

Коммуникации и общество

КАТУШЕВА Ксения Александровна –

специалист кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова
bakenbaher@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ «ОБЩЕСТВО – ВЛАСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируются трансформации политической коммуникации и порождаемые ими особенности диалоговых отношений между обществом и властью в современной России. В частности, речь идет о том, что общественные импульсы, например уличное протестное движение, определили становление новой политической коммуникативной системы, которая характеризуется тремя основными трансформациями: форсированной виртуализацией процесса политической коммуникации, расширением состава действующих акторов со стороны гражданского общества и формированием этими общественными акторами новых эффективных механизмов коммуникации с властью. Сформулированы выводы о характере и темпах заявленных изменений.

Ключевые слова: гражданское общество; власть; политическая коммуникация.

In this article transformations of political communication and peculiarities of the dialogue between the civil society and the authority engendered by these transformations in modern Russia are considered. In particular, impulses of the society, such as the street protest movement, determined formation of a new political communicational system which is characterized by three main transformations: forced virtualization of the political communicational process, expansion of composition of operating actors from the civil society and generation of new effective mechanisms of communication with the authority by these social actors. Conclusions about the nature and pace of the declared changes are formulated.

Keywords: civil society; authority; political communication.

Система политической коммуникации «общество – власть», которая сложилась и функционировала в течение десятилетия после начала первого президентского срока В.В. Путина, в последние несколько лет характеризуется существенными трансформациями. Наблюдается виртуализация процесса политической коммуникации, расширяется сетка ключевых акторов со стороны гражданского общества, обществом генерируются новейшие механизмы взаимодействия с властью. Очевидно, на практике указанные искусственно вызываемые и естественно складывающиеся изменения должны отражаться в виде более эффективного и структурированного диалога между обществом и властью, однако это нельзя констатировать с определенностью. К каким в действительности последствиям приводит виртуализация политического коммуникационного процесса? Какие новые значимые акторы теперь оказывают влияние на процесс политической коммуникации в системе «общество – власть»? Какие инновационные механизмы способствуют установлению диалоговых отношений между обществом и властью в современной России?

Рассмотрение поставленных вопросов

представляется как никогда актуальным ввиду активизации политического участия населения как в рамках стихийно модифицирующегося с конца 2011 г. протестного движения, так и посредством созидательного участия граждан в политическом процессе – это инициирование волонтерского движения, взаимодействие через сеть Интернет, создание дискуссионных площадок и т.д. Речь идет о том, что, используя различные каналы коммуникации, общество посылает власти импульсы, синтезирующие в себе его ожидания, потребности и ориентации, а власть реагирует на них, создавая систему институтов коммуникации (медийных, поведенческих, идеологических) или реформируя основные сферы жизни общества [Кошкин и др. 2012: 97-98]. Активизировавшееся в декабре 2011 г. уличное протестное движение в современной России представляло собой довольно сильный импульс от общества к власти, ответом на который было заявление политической элиты о поэтапной либерализации процесса реформирования всех сфер жизни, и прежде всего политической. Тренд усиления политической партиципации разнородных социальных групп в рамках протестного движения, очевидно, выступил инструментом стиму-

лирования общего политического участия россиян.

Для того чтобы в полной мере оценить характер процесса политической коммуникации на современном этапе, нужно обозначить следующие его трансформации и связанные с ними особенности.

1. *Форсированная виртуализация процесса политической коммуникации.* На сегодняшний день политическая коммуникация проходит в условиях виртуализации политического процесса и усиления системообразующей роли информационной сферы: все большее число россиян оказываются вовлеченными в политику за счет доступа к сети Интернет и влияют на динамику политических процессов, порой даже не ставя перед собой такую цель.

Существует мнение, что «в повседневной коммуникации рождаются будущие социальные практики, которые могут стать основой общественных трансформаций» [Зотов, Лысенко 2010: 55]. Несомненно, это и наблюдается в современной России: трансформация коммуникативных практик между отдельными индивидами (переход в поле информационных технологий) определила смену политических коммуникативных практик основных акторов политического процесса. По сути, традиционные политические коммуникативные практики становятся политическими информационно-коммуникативными.

Виртуализация политической коммуникации порождает следующие особенности коммуникации в системе «общество — власть».

1. Экстраполяция в массовом сознании россиян степени свободы виртуального пространства на реальное пространство. Расширение виртуального политического поля способствовало постепенному установлению в обществе идеи, что перманентная коммуникация его членов способна агрегировать множество мнений и формировать четкие общественные запросы. Первоначально это привело к становлению уличного протестного движения, члены которого искали эффективные каналы, через которые они могли бы декларировать свои потребности, интересы и понимание своих свобод. Впоследствии же произошел качественный скачок по критерию созидательного политического участия населения, что свидетельствовало о развитии гражданского общества в стране.

2. Аккумуляция общественных ожиданий по поводу адаптации власти к виртуализировавшейся политической коммуникации. Сейчас наблюдается перекрестное (общество — власть — общество) приспособление политического процесса к электронному пространству. Так, в ответ на ожидания общества первым адаптивным проектом власти, пусть и не слишком успешным, стало Открытое правительство. Далее общество инициировало превращение соцсетей в политические краудсорсинговые платформы, эффект от которых проявился при ликвидации последствий наводнения в Крымске. На сегодняшний день самую последнюю инициативу в этом направлении предложил председатель Совета по правам человека при Президенте РФ М.А. Федотов: создать пакет нормативных актов, регулирующих соблюдение прав и свобод граждан и государства в Интернете [Теслова 2013: 1, 3].

3. Утверждение запроса гражданского общества на продолжение политической коммуникации с властью как в виртуальной, так и в реальной плоскости. Указанная особенность представляет достаточно конфликтную по отношению к общей тенденции на виртуализацию политической коммуникации, однако вызвана она объективной причиной — цифровым неравенством населения России (неравенство доступа к цифровым технологиям и навыков их использования). Особое место в удовлетворении данного запроса занимают площадки общественных организаций, советов при государственных структурах, молодежных и бизнес-форумов и пр. Кроме того, власть стремится устранить цифровое неравенство путем создания нормативных актов в сфере информатизации и бюджетного финансирования мероприятий в этой области.

Изучение качественных изменений пространства политической коммуникации помогает объяснить трансформацию состава основных акторов.

II. *Расширение сетки акторов политической коммуникации со стороны гражданского общества.* Анализ медийной активности позволяет выявить фигуры и структуры, оказывающие наибольшее влияние на циркуляцию политической информации. На основании этого анализа можно говорить о том, что произошло расширение

ние состава (сетки) акторов, энергично участвующих в политической коммуникации. Сегодня уже было бы неправильным традиционно называть акторами политической коммуникации гражданское общество и власть — нельзя искусственно объединять многочисленных акторов внутри общества или внутри власти, поскольку они могут совершенно обособленно друг от друга фигурировать в процессе коммуникации.

Фактически наращение акторов произошло не со стороны власти, а со стороны гражданского общества. Более того, не менее активными участниками политического процесса стали так называемые институты политической медиации — некие посредники между гражданами и политической элитой, обеспечивающие двусторонние информационно-коммуникативные потоки. Это вызвано, в первую очередь, тем, что разрозненным акторам очень трудно напрямую коммуницировать с властью и быть услышанными.

Указанная трансформация служит основанием следующих особенностей политического информационно-коммуникативного процесса.

1. Вовлечение экспертных сообществ в диалог «общество — власть». Для принятия политических решений, которые коррелировали бы с поступившими общественными запросами, у власти появилась необходимость в интеллектуальном ресурсе, который бы, во-первых, увеличивал компетентность и эффективность этих решений и, во-вторых, повышал уровень их легитимности и степень доверия общества к власти. С ориентацией на западный политический опыт совсем недавно началась интеграция экспертных сообществ в процесс политической коммуникации [Казакова 2012: 24]. Тому существуют довольно яркие примеры: корректировка дефицитного бюджета на 2014–2016 гг., подготовка поправок к тексту Основного закона, перманентная интеллектуальная поддержка Д.А. Медведева со стороны Института современного развития (ИНСОР).

2. Падение роли парламентских партий в политической коммуникации в представлении граждан. Эта особенность складывается из двух тенденций: во-первых, она вызвана резким сближением системной оппозиции с властью. Сближение

вызвало непонимание населения из-за сложившегося стереотипа, что оппозиция обязательно должна действовать против власти. Во-вторых, она связана с повышением общественного спроса на участие в политической коммуникации не структур, а личностей. Эта тенденция зародилась после президентских выборов (2012) и логически развивалась после региональных выборов (2013), где активность голосования зависела от узнаваемости партийного ядра или лидера партии, которые оправдали свой кредит доверия населения.

3. Постепенное отдаление россиян от радикальной оппозиции при выборе коммуникативных практик. Митинги и акции как новообразованные коммуникативные практики перестают быть первичными для россиян, что вызвано нежеланием лидеров внесистемной оппозиции вступать в диалог с властью, а значит и налаживать результативную трансляцию потребностей общества. Представляется также, что затухание протестного движения происходит не из-за «закручивания гаек» властью, а из-за того, что с конца 2012 г. протестные выступления стали носить провокационный, насильственный и противоречащий закону характер, что не было принято многими участниками митингов, и, как следствие, они предпочли использовать другие каналы коммуникации.

4. Активизация некоммерческих организаций (НКО), в т.ч. правозащитных, в процессе циркуляции социально значимой информации. Оживленная медийная и инициативная деятельность по законодательным вопросам проявила в НКО значимого актора политической коммуникации. В свою очередь власть ввела для НКО с бенефициарами из-за рубежа некоторые правовые рамки (закон «О некоммерческих организациях»), что довольно обоснованно, поскольку молодому гражданскому обществу России еще нужна защита от манипулятивных дискурсов со стороны других государств. При этом нельзя согласиться, что власть пытается таким образом купировать политическую активность НКО, иначе бы, например, она не поощряла ее материально (выделение средств из президентского фонда [Бекбулатова 2013: 1, 5]).

5. Выделение интернет-сообщества в качестве независимого актора политической коммуникации. Особое место

интернет-сообщества в политической коммуникации обозначилось в связи с тем, что турбулентные (кризисные и протестные) события последних 3 лет зарождались в виртуальной плоскости. Интернет-сообщество формирует повестку дня, которая впоследствии раскрывается в диалоге «общество – власть» на других площадках. Важно подчеркнуть, что власть учитывает позиции этого актора: ответом на критику нетранспарентности процедуры выборов сначала стала установка камер на избирательных участках с 24-часовой онлайн-трансляцией, а теперь и создание автоматизированной системы виртуализации протоколов с последующей невозможностью их корректировки [Замахина 2013: 3].

6. Ведущая роль общественных организаций в политической коммуникации по сравнению с партийными структурами. В постэлекторальный период произошло смещение политических сил в сторону Общероссийского народного фронта (ОНФ). ОНФ пока не стал новой партией, но является институционализированной площадкой тех политических акторов гражданского общества, которые лояльны существующей системе и хотят ее постепенно совершенствовать. В данном контексте актуализируется озвученная инициатива: допустить общественные движения к региональным выборам [Самарина 2013: 1, 2]. Помимо ОНФ, большую роль в диалоге «общество – власть» стали играть волонтерские движения (устранение последствий наводнений, подготовка и проведение Универсиады в Казани 2013 г. и Олимпиады в Сочи 2014 г.).

Расширение сетки акторов политической коммуникации потребовало усложнения механизмов взаимодействия в системе «общество – власть».

III. *Генерирование общественными акторами инновационных механизмов политической коммуникации.* Распознавание и устранение «коммуникативных барьеров» и «трудностей перевода» в диалоге общества и власти, заключающихся в отсутствии эффективных и рентабельных механизмов коммуникации, являются крайне важными в кризисных условиях демократического транзита в стране. Вследствие этого общественными структурами генерируются, а властью поддерживаются механизмы, необходимые для налаживания партнерских отношений. Можно

выделить 2 самых нестандартных из них для России.

1. Механизм краудсорсинга (от англ. *crowd* – толпа и *sourcing* – использование ресурсов). Он заключается в интеграции мнений, позиций и потребностей социальных групп в процесс принятия политических решений. Одними из самых важных источников краудсорсинга выступают социальные сети (*Twitter*, *Facebook*, *ВКонтакте* и т.д.). Еще одним источником являются дискуссионные площадки: с молодежью – форумы «Селигер», «Форос», площадки ведущих вузов и пр.; с партийными функционерами – систематические встречи с членами и лидерами парламентских и непарламентских партий; с представителями бизнес-сообщества – площадки Российского союза промышленников и предпринимателей и Агентства стратегических инициатив, саммит АТЭС и т.д. Все это позволяет купировать информационный монолог власти в политической коммуникации.

2. Механизм краудфандинга (от англ. *crowd* – толпа и *funding* – финансирование). Это механизм привлечения материальных ресурсов на социальные, политические и другие проекты. Он заключается в создании (обычно в Интернете) площадок, где отдельные граждане или их объединения могут добровольно сделать денежный или иной материальный вклад в развитие проекта или организации. Существует несколько наглядных примеров краудфандинга в современной России, в частности деятельность краудфандинговой платформы *Boomstarter* или сбор средств для ликвидации последствий наводнения в Крымске через портал Яндекс.Деньги. С политической и экономической точек зрения краудфандинг – это очень перспективный механизм реализации инновационных политических инициатив и финансирования политических кампаний, который одновременно может проиллюстрировать политические ориентации основных акторов политической коммуникации как со стороны общества, так и со стороны власти.

Анализируя эти два механизма взаимодействия общества и власти, можно сформулировать две их общие особенности: а) инновационность этих механизмов заключается в том, что они иницируются общественными акторами; б) в абсолютном большинстве случаев эти механизмы

взаимодействия поддерживаются властью, которая ищет пути установления перманентного диалога с набирающим силу гражданским обществом.

Подведем итоги. В системе «общество – власть» современной России были выявлены следующие трансформации политической коммуникации.

Во-первых, постепенно ускоряется виртуализация процесса политической коммуникации, хоть и достаточно скачкообразно. Расширение использования информационных технологий объективно вносит коррективку в процесс принятия политических решений, и уже сейчас многие группы населения стремятся быть интегрированными в информатизированный политический процесс, формулировать его нормативно-регулятивные и доктринальные основания и обеспечивать удовлетворение своих интересов.

Во-вторых, пока невысокими темпами, но возрастает число общественных акторов политической коммуникации.

Расширилась сетка ключевых акторов со стороны общества и институтов политической медиации – виртуализация политики способствовала выделению и развитию таких действующих акторов, как интернет-сообщество, некоммерческие организации, общественные организации, общественные движения и т.п. Все они сегодня выступают как автономные и значимые участники информационно-коммуникационного процесса.

В-третьих, акторами от гражданского общества отлаживаются все новые механизмы политической коммуникации. Эффективный диалог общества и власти должен иметь четкие черты публичности. В этой связи гражданское общество постоянно предлагает власти механизмы регулярного двустороннего взаимодействия. Они порождают полифонию политической коммуникации, купируя информационный монолог власти за счет вовлечения большего числа акторов со стороны общества.

Литература

Бекбулатова Т. 2013. «Голосу» достался президентский грант. – *Коммерсантъ*, № 223(5254). С. 1, 5.

Замахина Т. 2013. Избирательные протоколы станут виртуальными. – *Российская газета*, № 265(6241). С. 3.

Зотов В.В., Лысенко В.А. 2010. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества. – *Теория и практика общественного развития*, № 3. С. 53-55.

Казакова Е.В. 2012. *Экспертные сообщества России как современные политические институты*. Автореф. дис. ... к.полит.н. М., 28 с.

Кошкин А., Мельков С., Казаков А. 2012. *Процесс формирования власти в современной России: Регулярно ли обновляется власть в российском обществе?* Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 148 с.

Самарина А. 2013. Народный фронт обходит «Единую Россию» с фланга. – *Независимая газета*, № 230(5993). С. 1, 2.

Теслова Е. 2013. Михаил Федотов предлагает приспособить Конституцию к интернету. – *Известия*, № 216(28970). С. 1, 3.